

НА БЕРЕГУ МУХАВЦА

Ночь с 21 на 22 июня 1941 года.
Казарма у Холмских ворот
Брестской крепости.

Старшина Мейер не спал. Проверив, как несут службу дневальные в этот трудный предутренний час и все ли в порядке в казарме, он постоял у окна, выходящего во внутренний двор цитадели. Брезжил рассвет. Вячеслав проводил взглядом одинокую фигуру младшего командира с красной повязкой на левом рукаве, прошедшего по каким-то неурочным делам от инженерной казармы в сторону клуба — бывшей крепостной церкви.

Перейдя на противоположную сторону, Мейер залюбовался нешироким здесь Мухавцом с берегами, поросшими травой и деревьями и соединенными между собой аккуратным деревянным мостиком, ведущим от Холмских ворот в Вольинское укрепление, где находились полковая школа и госпиталь.

Убедившись, что нет причин для беспокойства, старшина прошел в ротную канцелярию и засел за письмо к родным. Возможно, это последнее письмо. Скоро домой. Два года службы пролетели незаметно. Прибыв сюда рядовым красноармейцем сразу после возвращения Бреста Советскому Союзу, Вячеслав выезжал из крепости только на учения и однажды в отпуск на родину — в дорогое Поволжье. Сейчас он старшина, хорошо известный не только в полку, но и во всей крепости.

Недавно в полк прибыло молодое пополнение. Старшина поговорил со многими новобранцами. Среди новичков он встретил нескольких земляков — поволжских немцев. Хорошие ребята, не опозорят, можно спокойно ехать домой, из них выйдут толковые красноармейцы и младшие командиры. А он, отслужив, поедет в родной Ангельс — заждались там дела, родители и еще кое-кто...

Мейер взглянул на часы. Часовая стрелка застыла на четверке, а минутная, вздрогнув, перескочила через зенит. Три часа до общей побудки, сегодня воскресенье, и бойцы пожелают в постелях лишний часок.

Но в это же время в нескольких сотнях шагов западнее, за Бугом, уже никто не спал — у германского руководства были свои планы. Все было готово к артобстрелу. Крепость лежала как на ладони. Фашистам было известно, что в крепости не ожидают нападения, что береговые укрепления в зоне Западного Буга не заняты войсками, а комсостав в большинстве находится в отпусках или городе с семьями. Генерал Гудериан сомневался: стоит ли проводить артподготовку? Может быть, усилив момент внезапности, тихо переправиться через реку и захватить спящую крепость без лишнего шума?.. В последний момент он все же отдал приказ провести артиллерийскую подготовку в течение установленного инструкцией времени.

Сидя за столом, старшина Мейер услышал странный гул самолетов, которые, по-видимому, шли на большой высоте. Он встревожился, поднялся, подошел к освещенному уже окну — посмотреть, что это за необычные воскресные ночные полеты затеяли авиаторы. Уже подойдя к окну, вдруг услышал звуки артиллерийских выстрелов, свист снарядов и взрывы. Все это произошло так неожиданно, что он не успел осознать, в чем дело, высунулся в окно. Его вдруг обдало сжатым воздухом и пылью. Отпрянув, он почувствовал специфический запах стрельбища и чердака. Весь двор цитадели и крыши зданий вмиг покрылись кустами взрывов, расплзшихся в тучи пыли и дыма.

— Подъем! Тревога! — закричал старшина, выскакивая из канцелярии.

Но бойцы и так уже повскакивали с постелей: кто скакал на одной ноге, стараясь попасть в штанину, кто, схватив в охапку одежду, бросился к пирамидам с оружием, а кто — к окну... Казарму сотрясало от взрывов не пробивающих толстенных стен снарядов. Стекла сразу повывлетали, были повреждены многие рамы. Раздавались стоны первых раненых...

— В ружье! Всем отойти от окон в простенки! — подавал старшина команды, лихорадочно соображая, что же ему делать дальше.

Он здесь старший. Командиры живут в домах комсостава, пока добегут, и добегут ли, ему придется принимать решения самому, организовать отражение нападения противника.

Вооружив бойцов винтовками, раздав патроны, старшина распределил всех вдоль стен у окон и бойниц казармы-крепости, построенной сто лет назад виднейшими российскими фортификаторами.

Артобстрел закончился так же внезапно, как начался. Мейер выскочил из казармы, решив выяснить, что же произошло и какие команды последуют от старших начальников. Вскоре он встретил полкового комиссара Фомина. Ранее они виделись всего несколько раз — комиссар недавно прибыл в полк и жил без семьи в своем служебном кабинете.

Старшина доложил о принятых мерах и потерях.

— Молодец! — похвалил комиссар, испытующе поглядывая на Мейера. — Будьте готовы к любым неожиданностям. Поручаю вам, товарищ старшина, командование ротой до прибытия старших командиров.

В этот момент к ним подбежал запыхавшийся безоружный боец без гимнастерки с испуганными глазами.

— Товарищи командиры! — срывающимся голосом прокричал он. — Там немцы!

Махал он руками в западном направлении в сторону Тереспольских ворот, откуда доносилась автоматная и винтовочная стрельба.

— Где немцы? — стараясь быть спокойным, строго спросил Фомин. — Сколько их?

Боец встал как вкопанный, вытянул руки по швам и быстро заморгал глазами:

— Много немцев... Они ворвались в ворота... Они в погранкомендатуре, у церкви и командирской столовой...

— Понятно! Не паниковать! Где ваша винтовка, товарищ красноармеец?

— Я сейчас, сейчас... — виновато бормотал тот.

— Товарищ старшина, возьмите его с собой, вооружите и сделайте из него бойца. Оставьте в казарме одно отделение — пусть смотрят на Мухавец, а остальных выводите срочно во двор — будем выбивать немцев из цитадели.

Через пять минут Мейер со своей ротой и Фомин, приведший еще около двух рот, бросились через двор с криком «Ура!».

Фашистов они увидели очень скоро у клуба, те вели бой с пограничниками, направляя свой удар к Холмским и Брестским воротам. К атакующим примкнули разрозненные группы из других частей и погранзаставы. Враг дрогнул, начал отходить к тем же Тереспольским воротам.

Фомин устремился вслед за отступающим врагом, а Мейеру поручил принять со своей группой участие в уничтожении засевших в клубе и столовой автоматчиков. Атака удалась. Фашистов выбили из цитадели. Обратный через Мухавец и Буг никому перебраться не удалось — защитники крепости били метко.

Вскоре Фомин вернулся. Он собрал немногочисленных командиров. Вместе с капитаном Зубачевым они возглавили оборону цитадели. Штабом обороны избрали инженерную казарму, как более удобную для оперативного руководства всеми действиями. Всех командиров распределили по секторам. Мейеру поручили группу подразделений, обороняющих Холмские ворота на берегу Мухавца. В эту группу входила и его родная рота связи.

Фашисты захватили Южный остров с госпиталем и укрепились напротив Холмских ворот, намереваясь захватить ведущий к ним мост. Они предприняли несколько атак, используя все имеющиеся у них средства. По вековым укреплениям велся непрерывный артиллерийский и минометный огонь, не смолкали пулеметные и автоматные очереди. Но атаки не приносили им ощутимого успеха, только ряды защитников неумолимо таяли. Бойцы, расставленные у окон первого и второго этажей, метким огнем срывали попытки переправиться через реку. В критические моменты даже ходили небольшими группами в контратаки...

Однажды стрельба вдруг резко прекратилась. Выглянув в окно, старшина увидел такое, от чего на несколько мгновений потерял дар речи. Такого он не ожидал: фашисты шли в атаку, гоня впереди себя медиков и раненых, взятых ими в плен.

— Стреляйте! Не жалейте нас... — закричали несчастные, достигнув середины моста.

— Ложитесь! — громким голосом, дрожащим от негодования, прокричал Вячеслав, и

когда его команда была выполнена, из окон и бойниц раздался дружный залп. Уловка фашистам не удалась.

Бой не прерывался ни днем, ни ночью. Люди сбивались со счета времени. Фашисты упорно атаковали, делая перерывы только для приема пищи. Ряды защитников таяли. И те и другие с упорством, достойным лучшего применения, выполняли поставленную перед ними задачу.

Противник нес огромные потери. Наконец с самолетов полетели не только бомбы, но и листовки, призывающие сдаваться, обещавшие жизнь и всевозможные блага. В листовках утверждалось, что гитлеровцы уже входят у стен Москвы. Поверить в такое было невозможно.

Подобрав листовку, Вячеслав прочитал написанное сначала по-русски, потом по-немецки, усмехнулся, достал из командирской сумки карандаш и быстро нарисовал на оборотной стороне листовки свинью с характерными усами Гитлера и подписал: «Не быть фашистской свинье в нашем советском огороде». Карикатура всем понравилась, бойцы от души посмеялись.

Фомин тоже по достоинству оценил юмор. На просьбу старшины сходить за «языком» он быстро согласился — нужны были сведения.

Вылазка удалась, попался долговязый ефрейтор. «Выпотрошив» его, стали решать, что с ним делать. У Мейера вдруг загорелись глаза, и он что-то зашептал на ухо Фомину. Улыбнувшись, полковой комиссар кивнул и пошел по своим делам дальше, а старшина с увлечением принялся за дело. Вооружившись карандашами, собрав имевшиеся в изобилии у бойцов листовки, использовавшиеся на самокрутки, он быстро размножил свою карикатуру, снабдив ее надписью о «фашистской свинье» и «советском огороде» на немецком языке. Найдя среди обломков мебели баночку с клеем, бойцы под грохот взрывов, свист пуль и осколков увлеченно выполняли поручение старшины, изрядно повеселившись. Они с ног до головы обклеили гитлеровца этими бумажками и направили его к мосту через Мухавец. Испуганно озираясь, он под хохот защитников крепости и настороженную тишину с противоположной стороны потрусил к своим.

Через несколько минут фашисты яростно обстреляли Холмские ворота и прилегающие стены — послание дошло!

Дни сменялись ночами, ночи — днями. Бой не прекращался. Все труднее было с продуктами. Людей стала мучить жажда. Рядом протекала прозрачная вода, отражая в себе небо, берега, деревья, мост... Но эти несколько шагов простреливались засевшими

на противоположном берегу автоматчиками. По всей береговой линии были установлены пулеметы. Ночью было светло как днем — в воздухе непрерывно висели осветительные ракеты. Особенно страдали без воды раненые, обессиленные от потери крови. Военврач Вебер, тоже из поволжских немцев, как мог облегчал страдания несчастных, но против жажды у него средств не было. Раздавались стоны и мольбы: дать воды. Это угнетало больше, чем опасность смерти. Несколько смельчаков пытались добыть воду, но обмануть бдительность фашистов не удалось. Каждый из них оставался лежать там, где его настигла пуля. Даже убрать убитых не было возможности, их засыпало выбросами взрывов.

Такая ситуация была по всей крепости. По воле рока среди ее защитников всех национальностей было около двухсот российских немцев. Известны имена майора Дулькейта, старших лейтенантов Шварца и Кролла, красноармейца Дамма и многих других. Никто из них не дрогнул, все с честью выполнили долг перед Родиной.

Вячеслав уже несколько дней не пил, однако стойко переносил жажду, как и многие его товарищи. Но стенования раненых он выносить не мог, его отзывчивое сердце разрывалось от чужих мук. В одну из передышек, видимо, фашисты пообедали, неожиданно даже для своих товарищей он выскочил в окно, стремглав спустился по крутому изрытому взрывами склону к реке, зачерпнул котелком воду и побежал обратно. Все произошло так стремительно и просто, что, видимо, фашисты опешили от такой наглости. Обратно подниматься было труднее, да и воду нельзя было расплескать. Мейер подбежал к окну, подальше от любопытных товарищей, закинул руки на подоконник и подтянулся. В этот миг фашистский пулеметчик, опомнившись, выпустил длинную очередь. Товарищи втащили обмякшее тело старшины и положили его на пол. Открыв глаза, он, с трудом улыбнувшись, пошевелил губами:

— Воду... раненым...

Его голубые глаза закрылись навсегда. Котелок с водой стоял рядом. Бойцы как драгоценность, осторожно отнесли живительную влагу в подвал раненым — облегчить участь ослабевших, исполнить последнюю волю своего командира.

Бой продолжался.

... Через два месяца мать Вячеслава, его бабушку, невесту, младшего братишку, сестер и еще несколько сотен тысяч земляков и соплеменников в срочном порядке депортировали в Сибирь и Казахстан как потенциальных «шпионов и диверсантов» — такова была воля «отца народов».

В. ГРИНИМАЕР.